

• Суббота, 8 октября 1938 г.

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ

СЕГОДНЯ

20-й г. изд.

выходить утромъ и вечеромъ.

№ 277

Чеховъ на репетиціяхъ и на премьерѣ „Вишневаго сада“.

Артистъ Моск. Худож. театра Л. М. Леонидовъ вспоминаетъ въ «Правдѣ» о томъ, какъ въ этомъ театрѣ 36 лѣтъ тому назадъ поставили «Вишневый садъ».

— Были слухи, что А. П. Чеховъ пишетъ для насъ пьесу, но ни содержанія, ни названія пьесы мы не знали. И вотъ пьеса пришла. Всѣ заволновались, какая пьеса, содержаніе, названіе. Насъ собрали. Приходить В. И. Немировичъ-Данченко, кладетъ авторскій экземпляръ пьесы и торжественно произноситъ: «Вишневый садъ». Владимиръ Ивановичъ замѣчательно читалъ. Слушали пьесу съ огромнымъ вниманіемъ. Раздавался смѣхъ. Чтеніе кончилось. Пошли разговоры, споры — кому кого играть.

Распредѣляли роли безъ всякихъ компромиссовъ, не считаясь съ актерскимъ самолюбіемъ. Такъ нужно для ансамбля — и разговоръ конченъ.

Взялись за работу, увлеклись. Мнѣ поручили роль Лопухина.

Весной пріѣхалъ въ Москву Чеховъ. Жилъ онъ тогда на Петровкѣ, въ домѣ Коровина, во дворѣ. Пришли всѣ исполнители «Вишневаго сада». Волновался я очень. Впервые увидѣлъ и услышалъ Чехова, автора, котораго горячо полюбилъ съ перваго прочитаннаго мною его разсказа.

Какъ сейчасъ, вижу фигуру Чехова, скромно сидящаго на диванѣ, въ пенсене. Ласковые, грустные и слегка посмѣивающіеся глаза. Чувствовалось, что онъ тебя внимательно разсматриваетъ.

Помню, зашла у насъ рѣчь о пьесѣ Найденова «Дѣти Ванюшина». Одна изъ нашихъ актрисъ замѣтила, что пьеса хорошая, но тутъ ничего нѣтъ мудренаго, потому что Найденовъ написалъ пьесу изъ своей собственной жизни. Тогда Чеховъ лукаво, черезъ пенсене посмотрѣлъ на нее и спросилъ: «А у васъ въ жизни бывали интересные случаи?» Она говорить: «О, да, конечно». «Ну, тогда напишите пьесу».

Работали надъ «Вишневымъ садомъ» долго, упорно, обращались къ Чехову за разъясненіями, но отвѣты его были очень короткіе. Муратова, игравшая гувернантку Шарлотту, спросила его — можно ли надѣть зеленый галстукъ? Антонъ Павловичъ отвѣтилъ: «Можно, но только не нужно». Или мнѣ сказалъ: «Послушайте, купецъ Лопухинъ не кричитъ. Онъ же богатый, а богатые никогда не кричатъ» И еще сказалъ: «Загрядируй-тесь такъ, чтобы сразу зритель не могъ понять, кто вы — купецъ или профессоръ Московскаго университета».

Наконецъ, наступила премьера. Чеховъ сначала рѣшилъ не ѣхать въ театръ, но потомъ его привезли. Передъ главной моею сценой въ третьемъ дѣйствіи онъ подѣлъ около меня на диванчикъ, подъ часами передъ входомъ на сцену, и началъ успокаивать: «Зачѣмъ волноваться, все очень просто». А самъ, вижу, волнуется, очень волнуется.